

Этого вы пока нигде не прочтете

Землетрясение, о котором вы мало слышали

Март, 1977 год. Я не помню числа, хотя должна была бы его запомнить на всю жизнь. Я очень люблю месяц март. И не только потому, что это месяц моего Ангела. Но это и преддверие весны, красоты, спокойствия, мира. А как чудесен март в Бухаресте!

И в тот солнечный мартовский день все было как-то удивительно спокойно, мирно и чисто. Я тогда жила в Бухаресте с моей подругой Ирой, я бы даже сказала сестрой. Она мне действительно была, как сестра. Мы жили с ней вдвоем в небольшой квартирке, уютной, с огромной террасой, обвитой диким виноградом. С нами жила собачка Пепси, фокстерьер. Была, конечно, и кошка. У нас с Ирой вкусы сходились, и точки зрения на жизнь тоже сходились. Она была высокопорядочным человеком, и у нее, так же, как и у меня, никого не было из родных. И она переехала ко мне в мою трехкомнатную квартиру, точнее из двух с половиной комнат. Одна была очень маленькая, и я из нее сделала свою горенку.

В тот день моя Ирочка немножко приболела, простудилась, а я вечером поехала к своим друзьям играть в карты. Мы очень этим увлекались, это было такое прелестное времяпрепровождение! Мы каждый четверг собирались к у меня, то у кого-то из моих партнеров играть в «Канасту». Это было очаровательно, потому что думалось о том, что приготовить, чем угостить. Несмотря на некоторый дефицит в продуктах, который тогда уже чувствовался, мы из этого положения выходили достойным образом. На этот раз мне пришлось ехать через весь Бухарест, потому что моя приятельница жила в новостройках, то есть на окраине Бухареста. Мне надо было ехать троллейбусом около 45 минут. Я нарочно об этом так подробно говорю, потому что потом надо будет вернуться к этому огромному расстоянию до моего дома.

В общем, приехала я туда, все радуются встрече, и пошла игра, увлекательная, интересная. Вдруг чувствую, скорее даже слышу, какой-то гул и как будто что-то меня приподымает. Я оторвалась от карт, смотрю — лампа двигается... Я говорю:

— Господа! Землетрясение...

И в это время пошла земля ходуном! Причем это землетрясение было необыкновенно тем, что оно было и горизонтальное, и вертикальное. То есть земля ходила ходуном, как море, как морские волны. Я сразу, конечно, позвонила домой, я волновалась за Иру. Телефоны все были оборваны. Никакой связи с внешним миром. Слышу: крики по лестнице... А друзья мои жили на первом (как в России называется) этаже, а в Румынии — партер. Двери все пооткрывались, свет потух... И я вылетела на крыльцо этого дома. Почему такое чувство, что хочется куда-то лететь? Почему так? Вот хочется просто лететь, бежать неизвестно куда... Это второе в моей жизни землетрясение такой огромной силы. Когда выскочила на крыльцо, я с ужасом думала: то ли я сошла уже с ума, то ли это просто кошмарный сон... Перед этим домом на небольшом расстоянии стояла высотная башня. И вдруг я вижу, как эта башня в 16 этажей наклоняется с боку на бок, медленно, как водоросли под водой...

В городе царил ужас. Машины летали без всякого направления, были столкновения. Люди кричали: «Упал метеорит!». Другие говорили: «Прошла комета и зацепила хвостом нашу страну...». Люди бежали полураздетые: было четверть десятого, когда начался весь этот апокалипсис. Я бежала через весь Бухарест и видела ужасы, которые, конечно, остались в памяти у меня очень ярко по сей день. Я видела оторванные руки, отдельные головы, висящие на полуразвалившихся домах людей, которые кричали, что больше не могут держаться. Они хватались за водосточные трубы или какие-то выступы на стенах, которые в тот момент находились. Сердце у меня буквально разрывалось. (После этого действительно у меня был инфаркт). Я бежала по проспекту, который вел в центр города, видела по пути разрушенные огромные дома-новостройки, бегущих людей с детьми и с какими-то совершенно ненужными принадлежностями. Какая-то дама бежала с одной туфлей в руке, люди сошли с ума...

По перекрестку проходила трамвай, полный людей. В это время один из домов рухнул на этот полный трамвай! Люди ехали с работы, и весь транспорт был переполнен. Этот дом рухнул прямо передо мной! Я прижалась к какой-то колонне, то ли это было большое дерево, я не помню. Я прижалась, это меня спасло от камней и от всего, что полетело с этого дома. Я увидела страшную кровавую кашу в этих кирпичках, в этой извешке, в этом песке, груды которых лежали передо мной... Я стояла в ужасе и не могла идти дальше... В это время начали взрываться газовые трубы. Время было еще раннее, когда люди себе ужин готовили на кухне на газовых плитах или уже сидели за столом... В течение, наверно, пяти минут, когда взрывались трубы, стоял такой страшный грохот, что я даже не умею вам об этом рассказать. Когда я это вспоминаю, я вновь переживаю эти минуты, которые запечатлелись на всю жизнь...

Мне пришлось обежать эти развалины, сделать огромный круг для того, чтобы попасть на ту трассу, которая вела к центру города, где был мой дом. И вот я вижу картину... Ну тут я уже могу говорить немного с юмором, но с таким... мрачным юмором. Теперь уже, когда столько позади. И ужасно, и в то же время странно и смешно. Один дом раскололся надвое: половина рухнула вместе с лестницей, а половина стояла. Люди сидели за столом. В ужасе. Они смотрели вниз: перед ними была пропасть. Та половина дома, которая отвалилась, лежала грудками внизу под ними. Некоторые кричали, а некоторые сидели молча и смотрели с ужасом на то пространство, которое перед ними вдруг открылось: стен нет, лестницы нет, выйти нельзя... Я задержалась даже, когда увидела вот эту совершенно невероятную картину. Конечно, эту столь необыкновенную вещь надо было бы зарисовать... Но я думаю, что нарисованная с этого даже лучшим художником картина показалась бы неправдоподобной. Это был действительно кошмарный сон. Два или три человека висели на руках над этой пропастью: дом был очень высокий, как и множество домов вдоль этого проспекта. Некоторые бросались вниз и тут же разбивались... В общем, я с трудом понимала происходящее. Я оставила этот дом, этих бедных людей разбираться самим, кто как мог, и помчалась дальше.

Я добежала до своей квартиры через три с половиной часа: землетрясение началось в четверть десятого ровно, а я подбежала к своей улице в начале второго.

Надо сказать, что моя улица была очень уютная. Она была обсажена липами и каштанами. Высотных домов там не было, а были двух-трехэтажные особняки

с палисадничками, с собаками, с кошками и другой живностью. В моем доме, трехэтажном, было всего семь квартир. Я жила на втором этаже, а в партере жили плотники, там было их ателье.

И вот я, задыхаясь, лечу по своей улице. Наконец я дохожу до того места, где мой дом. Я закрыла глаза и прислонилась к дереву, чтобы не видеть ужаса моего рухнувшего гнездышка... Я взяла себя в руки, открыла глаза и увидела, что мой дом устоял. Я вошла в калитку, прошла дворик и хотела войти в вестибюль, чтобы подняться по лестнице. Но вижу, что весь вестибюль завален кирпичами, извешкой и т. д. Я не могла сообразить, как мне дойти до лестницы. Мне счастье, что в тот день поздно вечером еще работали мои приятели-плотники, которые часто мне помогали. Они делали мне какую-то мебель на заказ или чинили старую, очень дешево. И я со своей стороны всегда была заботлива по отношению к ним. В общем, они начали разгружать этот вестибюль, помогли мне взобраться на кучу кирпичей и попасть на лестницу. Вижу, на втором этаже стоит моя Ирочка со свечкой. Света нет, воды нет, телефоны не действуют. Я истошным голосом (я своей голос не узнала) кричу:

— Ира!!! Ты жива? Ира! Ира!

Я уже думала, что они обе, Ира и Пепси, погибли...

— Алла!!! Ты жива? Ты жива!

Я взлетела по этой лестнице, несмотря на мою нечеловеческую усталость. Мы обнялись и вошли в квартиру. Я сразу вляпалась во что-то жидкое, жирное, скользкое. Оказывается... Мы, как де-

спирт, который я всегда брала в свои гастрольные поездки, думая, а вдруг пригодится. И вот он пригодился. В пять часов утра мы что-то вскипятили. В общем, я не буду слишком затгивать описание своей квартиры после землетрясения, но хочу рассказать некоторые очень странные случаи, которые произошли во время этой жуткой, страшной катастрофы.

Когда уже заработали типографии и вышли первые газеты, то на одном листке огромными буквами был заголовок «Человек, которого смерть отбрасывает». И в нем история молодого человека, который приходил в гости в три дома, потом погибших. И из всех домов какие-то обстоятельства его выталкивали... Смерть буквально просто гнала его от себя!

Были и еще случаи... Сели ужинать, муж вспомнил, что нет папирос, ушел за ними. А когда возвратился, дома уже не было. Вся семья погибла!

В этом доме погибли все наши любимые актеры. Был там такой комик, вроде Райкина, Тома Караджиу. Те, кто знает Бухарест, помнят этого удивительного актера. Он столько улыбок дал! Осталась в живых только его собачка. Она, видно, слетела с лестницы, когда дом рухнул. В доме этом жила очень хорошая эстрадная певица, тогда она была уже звездой, Дойна Бадя. Она погибла со своими двумя детьми. Дом рухнул до основания, все эти развалины докатились до самой русской церкви. А русская церковь осталась невредима. Ни одна икона не упала со стены, ни один

АЛЛЫ БАЯНОВОЙ

Встр. Баянова - 1996 - С. Баян. - с. 5

Алла БАЯНОВА и Татьяна КУЗНЕЦОВА

вушки запасливые, купили себе несколько бутылок постного масла, которые, конечно, упали с полок и разбились. И вот масло разлилось по коридору до самых комнат. В кладовке у нас всегда были консервы, которые мы с Ирой осенью сами заделывали в банки. Мы делали себе запасы из овощей, все-таки овощи тогда находили. И вот теперь все это тоже было на полу в масле.

У меня, как и всегда, было очень уютно в квартире, недорого, но уютно. Всю жизнь меня сопровождает фраза: «Ах! Как у вас уютно! Как хорошо, не хочется уходить!». Это было и в Париже, и в Бухаресте, и теперь на Арбате. Вечный припев. Так вот, рядом с террасой, которая, к счастью, не пострадала, была моя музыкальная комната, где стояло пианино. А на стене напротив пианино я устроила такую жардиньерку, где поставила несколько вазонов с моими любимыми ползучими растениями. Некоторые их называют «телеграф» и обычно пускают по всей комнате. А я сделала из них занавес: вся стена была покрыта роскошными блестящими зелеными листьями. Теперь все это было на полу — разбитые вазоны, земля...

А в конце коридора была маленькая комнатка, из которой я сделала свою спальню. В углу был у меня, конечно, кресло с образцами, лампада горела электрическая. А моей ближайшей соседкой из другого крыла дома была такая Дорина, балкон которой был совсем рядом с моим окном и доходил прямо до террасы. Чтобы прийти друг к другу в гости, достаточно было бы перелезть через окно. Часто летней порой Дорина подходила к своему окну, я облокачивалась на перила, и начиналось: «ля-ля-ля-ля-ля-ля...» — часами. Я ее очень любила, и мы даже думали сделать в стене дверцу небольшую, чтобы не лезть через окно. В общем, мы часто смеялись, шутили на эту тему. И что я вижу? В этой горенке, в щели стены, я вижу лицо моей Дорины. Щель образовалась именно там, где мы хотели сделать дверь! Она смотрит на меня и говорит:

— Ты жива? И мы живы, слава Богу! А что дальше будет, я не знаю...

Ведь каждые пять минут может снова начаться... Люди, которые имели счастье обладать машиной, выехали из Бухареста на открытые места, потому что ждали, что будут еще толчки. Бухарест очень быстро стал пустым. Это землетрясение было одной из страшных сейсмических катастроф, силой 11 баллов по шкале Рихтера. Разверзлась земля, поглощая дома. Асфальт, мостовые вдруг раскрывались и туда проваливалось все, что в это время шло, ехало или стояло там. Вот такой был ужас. Я говорю Дорине:

— Ну как? Мы будем с тобой расширять это отверстие? — ко мне уже юмор вернулся, хотя и было очень страшно, что сейчас начнется снова. Потому что обыкновенно такие большие землетрясения несколькими толчками не отделяются. Они потом повторяются. Да и люди кричали на улице: «Господа! Спсайтесь, будет второе!». Люди ходили со свечками, с фонариками, подбирали то, что у них вылетело.

Я не могу сказать, сколько мы с Ирой чистили, выливали, подметали, вытирали и т. д. Воды же нет, поэтому все убиралось сухими тряпками. Газовая проводка пропала во всем городе. Нашли сухой

кадильник, ни один подсвечник — ничего не пострадало! Я только одно скажу. В России, конечно, не могли себе этого представить и никаких подробностей не знали. (Пресса советского времени не любила живописать страдания «братьев по соцлагерю» — им полагалось быть стойкими — ред.) На 80% Бухарест был разрушен! Вся столица лежала в развалинах!

Так много было рухнувших домов, что не доставало служб, которые могли бы охватить эту невероятную катастрофу. Началось мародерство, просочились цыгане, которые ходили по разрушенным домам, отрубали пальцы с кольцами. Чаушеску тоже один раз был умын, он назначил смертную казнь для тех, кого найдут мародерствующими. Очень много было, конечно, изувеченных и очень много было случаев безумия.

Восстановительные работы шли очень быстро. Со всей Европы съехались люди... Присылали и вещи, и продукты — помощь шла отовсюду. Быстро восстановили водопровод: пошла вода. Но первое время мы боялись лезть под душ, потому что ждали каждый момент, что снова будет встряка. Ведь первое землетрясение, которое я пережила, было тоже в Бухаресте, в 1940 году. То же страшно, силой в девять баллов, хотя земля тогда не разверзлась. Это все в горах — перемещение слоев в Ра-чо (неподалеку есть такие горные хребты) дает такие землетрясения.

Помню, в 40-м отец взял меня и маму за плечи и встал в амбразуру двери. Это человек, который прошел войну, который видел много страшных вещей в своей жизни. И он говорит нам:

— Спокойно, спокойно... Не надо дрожать (а я так дрожала, что зубами та-та-та... дрожь выбивала), Ленечка! (Леша, Ленечка, так отец звал Аллу — ред.). Ведь ты же дочь гусара, как же ты можешь так дрожать? Пройдет же сейчас.

Когда начинается землетрясение, тебя несет, куда — неизвестно, но ты никак устоять не можешь... Это только такой сильный человек, как мой отец, смог нас с мамой удержать, зажал и сказал: «Тихо, спокойно. Стоять здесь, в амбразуре двери». Потому что когда рушится дом, то остаются дверные проемы.

...Прошло уже месяцев шесть. Но все разговоры были только вокруг этой катастрофы. Как сейчас помню, я ехала в трамвае с Пепси. Публика, как это часто бывает, возмутилась, что я с собакой еду. И я решила немножко схитрить, создать добрый момент:

— А вы знаете, что это за собака? На кого вы кричите? Да это спасительница трех жизней! — тут у меня уже фантазия разыгралась, и я продолжала, — я была у друзей в девять часов вечера, а моя Пепси начала рваться на улицу (должна сказать, со многими животными в тот вечер на самом деле такое было). Я решила, что ей пора выбежать... Был чудный, как вы помните, вечер, и мои друзья пошли вместе со мной. Она нас тянула в парк. И в тот момент, когда мы вошли в парк, началось землетрясение. А их дом рухнул, вот так нас Пепси спасла!

Ну я не могу передать, какое уважение появилось в глазах всех людей! Некоторые даже встали, уступая место...

— Может, ей на сиденье будет удобнее?

Тогда я взяла ее на руки, показала всем. Все восхищались, кто-то ей дал конфетку, еще что-то предложили. Так мы с Пепси доехали очень благополучно до нашей остановки. А другие поехали дальше в хорошем настроении. А это для артиста главное, не так ли?

А вы знаете, что псевдоним популярному исполнителю Юлиану придумала Баянова? Алла Николаевна со своим крестником на 1000-м концерте на Родине. Центральный концертный зал «Россия», 1995 год.

